

Polylogos. 2013-2020

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylog.jes.su>

All right reserved

№ 1 Volume 2 - Philosophy of History: Interdisciplinary Interpretations. 2018

Informal communities as a key to Russian history

M. Loktionov

*Leading Research Fellow (IPh RAS, Department of the Philosophy of Russian History)
Russian Federation, Moscow, 12/1 Goncharnaya Str., 109240, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the history of Russian informal associations on the example of the very first one in the history of Russia – the All-Jesting, All-Drunken and All-Mad Sobor of Peter Ist, and the most famous one – the “Arzamas” fellowship. Their place in Russian history is shown, also the significance for their time, and the common features (the composition of participants, nicknames, regular meetings, rituals, the presence of object of ridicule and harassment), influence on participants and after closure are identified. Also indicated are their differences, consistent with the time. The article discusses the key role of these societies and their participants in the historical development of Russia of their time. It is also suggested that the emergence of such social structures is historically inevitable at times of intensive, advancing development of society.

Keywords list (en): Arzamas, Beseda, Dashkov, Karamzin, Shishkov, Khvostov, Vyazemsky, nonsense, Peter I, Valishevsky, Sobor, Prince-Pope

Date of publication: 05.06.2018

Citation link:

Loktionov M. Informal communities as a key to Russian history // Polylogos. 2018. V. 2. № 1 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000033-8-1/> (circulation date: 06.04.2020). DOI: 10.18254/S0000033-8-1

1 - *А мир-то что все-таки спасет? Гораций не замедлил с ответом: - Чувство юмора. Е. Витковский. Павел II*

2 Если перед нами стоит задача что-либо понять в некоем социуме, помимо традиционных литературных и исторических источников, которые само собой необходимы для изучения, необходимо в первую очередь понять неформальные отношения, и

неформальные общества, связывавшие наиболее ярких и значимых его представителей. Говоря о Российской истории, пытаясь отыскать упоминания о неформальной, шутовской, по словам Бахтина карнавальная, культуре до начала XIII века мы не найдём ничего, кроме фольклора, словно люди и не общались друг с другом. Первое упоминание о чём-то подобном мы видим только в истории только в петровские времена – Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор. Это явление было настолько новым, неожиданным, что осталось до конца не понятным и по сей день.

3 Возможно, первоначально собор представлял пародию на католическую церковную иерархию, однако по мере совершенствования он превратился в пародию также и на православную церковь; кроме того, участниками Собора пародировались государственные символы России и Западной Европы, в том числе и собственно царская власть. Валишевский, пытаясь проникнуть в цели учреждения Собора, с удивлением пишет: *Публичное официальное учреждение шутовского патриаршества, о котором мы уже упоминали, имело ли оно целью, — как утверждают многие, — подготовить уничтожение настоящего? Пожалуй, что так; но как опасен был, опять-таки, подобный окольный путь!.. Ведь Пётр рисковал разбить там на каком-нибудь ухабе всё достоинство духовенства и даже самое понятие о религии! Говорят, что имелось в виду создать только пародию на папство. Сомнительно. Мы видим, что Зотов поочередно называется то князем-папой, то патриархом. Ну, а выставив рядом с ним самозванного кесаря Ромодановского, какой титул, какое звание, какие обязанности старался высмеять и унижить Петр? Скорее можно предположить, что он преследовал главным образом цель увеселения ума, предрасположенного к причудливости и эксцентричности вследствие некоторого атавистического проявления восточного деспотизма, определенных недостатков духовного склада и определенных пробелов первоначального воспитания. Может быть самые серьезные намерения примешивались или даже служили точкой отправления этой шутовской и непристойной распущенности воображения, но они быстро исчезали, сметаемые и уничтожаемые её бурным и мутным потоком¹.*

4 Современник Петра Вильбуа, увидев в соборе намерение Петра опорочить не только католическую церковь, но и собственную церковную иерархию, писал: «Это вытекало из стремления этого умного и смелого государя подорвать влияние старого русского духовенства, уменьшить это влияние до разумных пределов и самому встать во главе русской церкви, а затем устранить многие прежние обычаи, которые он заменил новыми, более соответствующими его политике»². Пародийность празднеств Собора служила Петру для педагогических целей для разрушения старого порядка: «признав за „дубинкой“ большие педагогические возможности, он не отказывался и от злой, кощунственной шутки, чтобы достичь своих целей»³.

5 Как отмечают историки, в данном действе был важен не только унижительный для церкви или развлекательный для приближённых элемент. «Для царя Петра „собор“ стал механизмом отбора и сплочения наиболее преданных лиц. Во время „шумства“ они проходили проверку на послушание, худо-бедно демонстрировали свои творческие способности и фантазию, привыкали к мысли, что сословные перегородки преодолимы. Кроме того, они учились видеть величие в самоуничижении, „смирении“ и „терпении“, то есть примеряли к себе то, что в православной традиции считалось и считается доступным лишь Христу и праведникам. Наконец, благодаря „сумасброднейшему собору“ в массовое сознание исподволь внедрялась важная идея, отличающая менталитет Нового времени от средневекового, — убеждение в том, что сущность человека не зависит от его „чина“ — происхождения, статуса, образа жизни, предписанной манеры поведения»⁴.

6 Отмечают и психологические цели Собора: «Дикие оргии Всешутейшего собора

нужны были Петру, чтобы преодолеть неуверенность и страх, снять стресс, выплеснуть необузданную разрушительную энергию. Но это не все. Царские неистовства — еще один способ порвать со стариной. Оказалось, что с ней легче прощаться, хохоча и кривляясь. Проявлением „нравственной неурядицы“ мягко назвал Ключевский то, что сразило Петра и его ближайших соратников»⁵. Воистину человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым!

7 У Собора был постоянный глава, который носил следующие титулы: «князь-папа», «всешутейший и всепьянейший князь-папа», «святейший князь-папа и патриарх» и даже «великий господин святейший кир Ианикита, архиепископ Прешпурский и всея Яузы и всего Кокуя патриарх». Он избирался посредством сложной процедуры, следом проходил торжественный обряд посвящения и занимал свою должность пожизненно. Эту должность по очереди занимали Матвей Филимонович Нарышкин, Никита Моисеевич Зотов и Пётр Иванович Бутурлин, причём новому патриарху, Бутурлину, по приказу царя пришлось обвенчаться со вдовой предыдущего — Зотова.

8 Князем-кесарем был Фёдор Юрьевич Ромодановский. Пётр звал его также «королём» и «пресветлым царским величеством», именуя себя «холопом и последним рабом» князя. После смерти шутовского монарха в сентябре 1717 года титул «кесаря» перешёл к его сыну Ивану Фёдоровичу. Князей-кесарей царь назначал единолично, в отличие от выборных «патриархов». Ф. Ю. Ромодановский во время отъезда Петра за границу в Великое посольство по его поручению управлял Москвой, был окружён монаршими почестями, «жаловал» Петру все его воинские звания (полковник, 1706, генерал-поручик и шаутбенахт, 1709, вице-адмирал, 1714), во всех письмах Пётр именовал его «королём» и «вашим величеством», а себя — его «холопом»⁶.

9 Наличие в составе собора князя-кесаря, носившего во время обрядов традиционные царские одежды, указывает на то, что Собор был пародией на допетровское русское общество вообще, в частности, на византийскую традицию разделения священства и царства, противопоставленную единоличной власти Петра. Отец и сын Ромодановские в быту были привержены старинным боярским традициям, это ещё сильнее подчёркивалось петровской игрой. Жена младшего Ромодановского, Наталья, постоянно разыгрывала роль древней русской царицы, облакалась в костюм старинного русского покроя, принимала с достоинством важностью все смешные почести, ей воздаваемые. Наталья была сестрой царицы Прасковьи Салтыковой, которая также не избегла того, чтобы выступать со своими фрейлинами «в смехотворной процессии свадьбы князь-папы», и даже делала это с охотой, чтобы угодить Петру.

10 Устройство собора копировало всю церковную иерархию. В составе собора были «дьяконы», «архидьяконы», «попы», «ризничий», «архиереи», в том числе «митрополиты», а также «диаконысы», «архи-игуменья» и «княжна-игуменья» и т. д. У собора были свои молитвы, большая часть которых утеряна и сохранилась по частной переписке «соборян». Все лица «собора» носили с подачи Петра I прозвища, которые по словам Василия Ключевского, «никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати»⁷.

11 Состав Всешутейшего собора был достаточно постоянным и фиксировался в списках, всегда неполных, но достаточно больших. Из них видно, что наряду с ничем не примечательными личностями среди членов Собора были такие государственные деятели, как Г. И. Головкин, Т. Н. Стрешнев, И. А. Мусин-Пушкин, Ф. М. Апраксин. Члены Собора имели постоянную службу и штат профессиональных смехачей — «грозных заик 12 человек, папиных поддьяков плешивых 12 человек, весны 24 человека», также приглашали певчих, музыкантов с бубнами и другими скоморошьими инструментами, шутов, «дураков» и лиц, изображавших Бахуса. Членство в Соборе порой было насильным, особенно это касалось

представителей старой знати, подвергавшихся в нём унижениям. Все покорялось своеобразному чувству юмора царя. У членов Собора были особые одеяния, которые «представляли собой пародию на облачения священнослужителей: к примеру, вместо архиерейской панагии они носили флягу, а на митре „князя-папы“ был изображен Бахус»⁸. В собрании Государственного Эрмитажа хранится священническая фелонь, шитая из шёлковой ткани с вышитыми драконами. По одной из версий она принадлежала князю-кесарю Фёдору Ромодановскому и использовалась на «заседаниях» собора.

12 Особыми членами «собора» были женщины. Иерархия среди них была такой: высшим титулом был «княжна-игуменья», до 1717 года ею бессменно была Дарья Гавриловна Ржевская, а потом Анастасия Петровна Голицына. Первая была из Рюриковичей, вторая — из Гедеминовичей. Затем шли «архиигуменьи», в их разряд перешла Ржевская, оставив прежнюю должность, далее шли «игуменьи», «диаконисы» и «монахини». Помимо этого, к участию в соборных действиях привлекались жёны «служителей Бахуса».

13 Историки отмечают: «У всех „соборян“ независимо от того, какого они были происхождения и какие посты занимали в реальной жизни, имелись потешные прозвища и звания, основанные почти всегда на матерной лексике или не на слишком пристойных ассоциациях. У самого Петра I была нецензурная кличка, изменился и полный титул Зотова — „Всешутейший и всесвяттейший патриарх кир Никита Пресбургский, Заяузский“. Прозвищем же „смиранный Аникит“ в латинской транскрипции Зотов подписывал свои письма в качестве „князя-папы“. Бутурлин имел прозвище Корчага. Речевую среду внутри „сумасброднейшего собора“ ярко характеризует обнаруженный в архиве один из немногих уцелевших списков его членов. Скорее всего, он составлен до 1706 года»⁹.

14 Скабрёзные (и почти всегда матерные) прозвища соборян пародировали выбор монашеских имён, и, как и монашеские имена на Руси до XVIII в., начинались на те же буквы, что и мирские.

15 Резиденция собора находилась в Пресбурге, расположенном на острове посреди Яузы, возле села Преображенское. Поэтому патриарх Собора получил титул «Патриарха Пресбургского, Яузского и всего Кокуя»¹⁰. Пресбург — «потешная фортеция» — представлял собой земляное укрепление, возведённое Петром для воинских игр в 1686 году.

16 Язык, используемый соборянами, противопоставлялся церковнославянскому обрядному, происходил из условного или тайного, так называемого, «офенского» языка странствующих торговцев. Пьянство среди них именовалось «Ивашкой Хмельницким», а разврат — «Еремкой». Другой язык «соборян» был русский мат, например, проклятие «анафему», «анафемствовать» заменили сходным по звучанию нецензурным словом.

17 Валишевский пишет: «Шутовским кардиналам строго воспрещалось покидать свои ложа до окончания конклава. Прислужникам, приставленным к каждому из них, поручалось их напаивать, побуждать к самым сумасбродным выходкам, непристойным дурачествам, а также, говорят, развязывать им языки и вызывать на откровенность. Царь присутствовал, прислушиваясь и делая заметки в записной книжке»¹¹.

18 Большинство «заседаний» собора представляли собой пародии на христианские праздники:

19 Славление: на святки ежегодно устраивалось «славление»: члены Собора ездили по городу, приезжали в богатые дома, там пели и требовали себе угощения. Славления по письменным источникам известны нам лучше всего: до наших дней дошло как минимум шесть описаний, причём самые ранние относятся к 90-м годам XVII века, а самые поздние — к 20-м

годам XVIII века¹². Эта церемония являлась пародией на допетровский обряд святочного славения, во время которого на самом деле распевались духовные стихи и т. п.

20 Покаянная процессия: на первой, строгой, неделе Великого поста «всепьянейший собор» Петра устраивал «покаянную» процессию. «Его всешутейшество» выезжал, окружённый своими сподручниками в вывороченных полушубках, на ослах, волах или в санях, запряжённых свиньями, козлами и медведями.

21 Свадьбы «князя-папы» Зотова и «князя-папы» Бутурлина (6 (17) января 1715 года и 10 (21) сентября 1721 года), также включавшие элементы пародии на традиционный свадебный обряд. Сохранилось описание свадьбы Зотова:

22 *«Новобрачный и его молодая, лет 60, сидели за столом под прекрасными балдахинами, он с царем и господами кардиналами, она с дамами. Над головою князя-папы висел серебряный Бахус, сидящий верхом на бочке с водкой... После обеда сначала танцевали; потом царь и царица, в сопровождении множества масок, отвели молодых к брачному ложу. Жених в особенности был невообразимо пьян. Брачная комната находилась в широкой и большой деревянной пирамиде, стоящей пред домом Сената. Внутри её нарочно осветили свечами, а ложе молодых обложили хмелем и обставили кругом бочками, наполненными вином, пивом и водкой. В постели новобрачные, в присутствии царя, должны были еще раз пить водку из сосудов, имевших форму *partium genetalium*... и притом довольно больших. Затем их оставили одних; но в пирамиде были дыры, в которые можно было видеть, что делали молодые в своем опьянении»¹³.*

23 Освящение Лефортова дворца в честь Бахуса 21 (31) января 1699 года: участники этой церемонии несли чаши с вином, медом, пивом и водкой, окуривали комнаты табаком, а вместо креста у «князя-папы» были две скрещённые курительные трубки.

24 Маскарады по случаю заключения Ништадтского мира, устроенные соответственно 10 (21) сентября — 17 (28) сентября 1721 года в Петербурге и маскарад в Москве во время масленицы (с 31 января (11 февраля) по 2 (13) февраля 1722 года.

25 Как выбирался глава Собора, известно из письменных источников, составленных самими же соборянами — «чин избирания» и «чин в князь-папы постановления и в епископы».

26 Выборы нового патриарха всешутейшего собора в 1718 году были кощунственной пародией на церковный чин избрания патриарха всея Руси: «Бахус, несомый монахами, напоминал образ предшествуемый патриарху на выходе; речь князя-кесаря напоминала речь, которую Московские цари обыкновенно произносили при избрании Патриархов».

27 Рукоположение звучало следующим образом:

28 *«Рукополагаю аз, старый пьяный, сего нетрезваго во имя всех пьяниц, во имя всех скляниц, во имя всех зернщиков [зерщик — азартный игрок в кости, в зернь], во имя всех дураков, во имя всех шутов, во имя всех сумозбродов, во имя всех лотров [лотр — разбойник, забулдыга, гуляка], во имя всех водок, во имя всех вин, во имя всех пив, во имя всех медов, во имя всех каразинов [каразин — малиновая водка], во имя всех сулоев [сулой — сусло, квас], во имя всех браг, во имя всех бочек, во имя всех ведр, во имя всех кружек, во имя всех стаканов, во имя всех карт, во имя всех костей, во имя всех бирюлек, во имя всех табаков, во имя всех кабаков — яко жилище отца нашего Бахуса. Аминь». Потом наложили на главу его шапку и пели: «Аксиос!» [по-гречески: «Достоин!»]. Потом оный новопосвященный сел на свой престол — на великую покрытую бочку, и вкушал вина из «Великого орла», и протчим всем подавал. Певцы же в то время пели «Многолетие»*

кесарю и новопоставленному. И оное окончав, вси распущены в дома свои. Князь-папа же, разоблачса от своей одежды, пошел в свои покоевы полаты и остался в том доме¹⁴. Выбранного «князя-папу» сажали в ковш и несли «понтифика» в сопровождении всего «собора» в дом, где, его раздевали, и опускали голым в гигантский чан, полный пива и вина. «Князь-папа» плавал в ковше. Гости, мужчины и женщины, принадлежавшие к высшим боярским фамилиям, в обнажённом виде, пили вино из этого чана и распевали непристойные песни на церковные мотивы.

29 Как бы то ни было, и какие бы не принимало формы, но этот социальный феномен карнавального сплочения значимых людей государства был создан волею монарха и исчез вместе с его смертью. До вольного общества такого типа оставалось ещё сто лет. И, как только в воздухе повеяло переменами оно появилось, естественно в куда более приличном виде. Это был знаменитый «Арзамас».

30 В отечественном литературоведении и истории об «Арзамасе» написано немало. Опубликовано и несколько его издевательских протоколов. Однако не все то, что написано, является одинаково удачным. Некоторые изображают общество своеобразным предтечей системы заговорщицких масонских организаций, которые на самом деле никогда не были широко распространены в нашей стране. Павел Пестель, государственный инспектор по деятельности карбонариев, в 1821 году смог добиться того, что работа греческой гетерии в России была прекращена. В состав «преступной группировки» Пестеля, которая представляла собой обычную военную ложу со стандартной либеральной демагогией, входил Лев Витгенштейн – сын начальника Пестеля, командующего второй армией. Он был флигель-адъютантом Александра Первого, а после его смерти служил Николаю I. Это самые первые из декабристов!

31 Н.И. Тургенев, активный член того, что по решению Николая Первого было названо декабризмом, в момент начала дела проживал за границей. Его хотели отправить на виселицу или каторгу, но не смогли дотянуться. Именно им была написана правда об «Арзамасе» и о декабризме. Приведенный ниже фрагмент Тургенев написал по прошествии многих лет после событий, произошедших в 1825 году. Тургеневу не было смысла что-либо исказить. Кроме того, по характеру Тургенев был прямым и честным человеком, нередко попадавшим впросак из-за своей простоты и наивности. *«На заседаниях литературного общества «Арзамас» я бывал гораздо чаще, чем на заседаниях «Союза Благоденствия». Споры и беседы, не всегда ограничивающиеся здесь сферой литературной, вполне могли предоставить человеку столь «честному» и «добросовестному», каков составитель донесения следственной комиссии (по делу декабристов), основания возвести их в ранг политических дебатов. Уподобившись автору этого донесения, было бы легко изобразить эти заседания в точно таком же свете, в каком представил он собрания «Союза Благоденствия» и прийти к сходным выводам. А между тем, чтобы составить верное представление о собраниях «Союза Благоденствия», автору донесения довольно было вспомнить заседания этого литературного общества, коего он был самым деятельным, а главное, самым болтливым членом»¹⁵.*

32 Те люди, которые отличаются большей добросовестностью, нередко впадают в другую крайность. По их мнению, «Арзамас» – это эфемерная литературная шутка, которая не имеет существенного значения. Именно такое мнение разделял Набоков. Он утверждал, что это было собрание недалеких, примитивных остряков, которое просуществовало всего пару лет, а затем бесследно исчезло. Общество было создано в целях борьбы с «Беседой любителей русского слова», которая также не обладала существенным значением. Члены этой «Беседы» выступали с критикой Карамзина и Жуковского. Но эти группировки довольно быстро распались, не повлияв на развитие литературного процесса.

33 Некоторые придерживаются и более радикального мнения. В 1815 произошла придворная пересменка, в результате которой возник «Арзамас». Александр находился в Европе, а в столицах дурачились, не зная, что предпринять. Находясь в растерянности, цензура запретила критиковать театральные постановки. Таким образом, критика была перенаправлена в гостиные. После возвращения царя этот странный запрет был упразднен, и все возвратилось на свои круги. На самом деле, в качестве непосредственного повода создания «Арзамаса» стала постановка пьесы князя Шаховского Александра под названием «Урок кокеткам или Липецкие воды», в которой довольно безобидно высмеивали Жуковского. В ответ графом Дмитрием Блудовым был написан памфлет, получивший название «Видение в арзамасском трактире, изданное обществом учёных людей». Следует отметить, что в тот период Арзамас и Липецк считались провинциальными захолустьями. Идея была подхвачена и организована самим Жуковским. Им было основано «Арзамасское общество безвестных людей» («Арзамас»). Был принят собственный устав, были свои обычаи, протоколы, ритуалы и речи. Там было все пародийное – в отличие от высмеиваемых шишковцев. Но в состав «Арзамаса» входили «безвестные» люди, например:

- 34 1. Дмитрий Блудов. На момент создания «Арзамаса» Блудов занимал пост дипломата. Затем он стал заместителем министра народного просвещения, министром юстиции, министром внутренних дел. Он занимал и другие высокие должности, а на склоне лет был назначен президентом Академии наук. В приведенной выше цитате Тургенев говорил именно о Блудове, несознательно считая его одним из основных виновников своей опалы. В «Арзамасе» у каждого было свое прозвище, взятое из баллад Жуковского. Прозвище Блудова – «Кассандра».
2. Николай Тургенев. На момент создания «Арзамаса» Тургенев был видным экономистом и приближенным сотрудником известного реформатора Пруссии – Штейна Генриха. Прозвище Тургенева – «Варвик».
3. Василий Жуковский. Жуковский был приближен ко двору, а впоследствии стал воспитателем будущего наследника престола (Александра Второго). Прозвище Жуковского – «Светлана».
4. Николай Карамзин. Был первым государственным историографом Российской империи. Именно им была сформирована современная государственная легенда Российского государства. По сути, именно Карамзин создал историю России, которая до того времени существовала только в несвязных, обрывочных отрывках. Им же была создана значительная часть современного русского языка. Карамзиным было придумано или введено в русский язык огромное количество слов. Например, такие слова, как: первоклассный, человечность, утонченность, влюбленность, достопримечательность, вольнодумство, благотворительность, кучер, тротуар, будущность, катастрофа, гармония, сцена, эпоха, промышленность, сосредоточить, эстетический, моральный, занимательный, трогательный, влияние, впечатление и др.
5. Александр Пушкин – известный поэт, которым был заложен краеугольный камень современной культуры нашего государства. Прозвище Пушкина – «Сверчок».
6. Сергей Уваров. Во время создания «Арзамаса», Уваров занимал пост президента Академии Наук. Затем он был министром просвещения и государственным идеологом. Прозвище Уварова – «Старушка».
7. Дмитрий Дашков. Был министром юстиции и начальником второго отделения собственной канцелярии Императора. Прозвище Дашкова – «Чу».
8. Иоаннис Каподистрия. Он занимал пост министра иностранных дел Российской Империи. В дальнейшем он стал первым президентом Греческой республики.

35 Всего в состав общества входило двадцать пять человек, включая дядю Пушкина (прозвище – «Вот» или «Вотрушка»). В общество также входили: Батюшков (прозвище –

«Ахилл»), Давыдов (прозвище – «Армянин»), Воейков (прозвище – «Две огромные руки» или «Дымная печурка»), Вигель (прозвище – «Ивиков Журавель»), Вяземский (прозвище – «Асмодей»), Александр Тургенев (прозвище – «Эолова арфа»), Плещеев (прозвище – «Черный вран») и единственный в будущем декабрист Никита Муравьев (прозвище – «Адельстан»).

36 Но даже вышеперечисленных восьми участников достаточно для того, чтобы примерно понять масштаб общества. Представьте, например, что ваш собеседник на вопрос кем он является, отвечает: «Да, собственно, никто». А впоследствии, пытаясь сказать хоть что-нибудь, добавляет, что входит в какое-то «шуточное сообщество». А затем, в процессе разговора, вы узнаете, что в это же сообщество входят министры, глава небольшой республики, лауреаты нобелевской премии, президент национальной академии наук и начальник вашего начальника. Можно ли в таком случае воспринимать данное сообщество как шуточное? Не станет ли членство в таком «кружке» пределом ваших мечтаний?

37 Рассмотрим, в каком формате проводились заседания общества. Открытие заседания проводил председательствующий, на котором был надет красный фригийский колпак, символизирующий духовную свободу, духовное братство и равенство. Продолжалось заседание чтением шутливых докладов, затем участники ужинали и, после ужина, беседовали на свободные темы. На ужин подавался арзамасский гусь, а сами участники называли друг друга «гражданами гусями». По сути, это движение гусей. Главный друг гусей – Карамзин. Сам Карамзин не имел никакого гусяного прозвища, но «Арзамас» в целом – полуанаграмма его фамилии. Для общения между собой арзамасцами был разработан свой язык, называемый ими «галиматъя».

38 У нового «Арзамаса» были и недруги, с которыми боролись участники общества. Врагов они называли «халдеи». Халдеи вездесущи и их слишком много. Они способны проникать в общество тайно, их нужно обнаруживать и с позором выгонять. Гнездилище халдеев – вышеупомянутая «Беседа губителей русского слова».

39 Обратим внимание на одно из наказаний, применяемых арзамасцами за пропуск кем-либо из участников гусяного заседания без уважительной на то причины:

40 *«а) за одно неявление к должности его превосходительству члену послушнику делается жестокий выговор и на хребте его творится беззаконие.б) за два неявления его превосходительству член послушник изгоняется из Нового Арзамаса и не иначе может быть в него опять принят, как со следующим обрядом: 1. Он узнает стороною о назначенном дне, часе и месте заседания. 2. Является туда незваный без ведома членов и ожидает их прибытия в какой-нибудь отдаленной комнате так, чтобы они не могли подозревать его присутствия.3. Собравшемуся Арзамасу, входит он в палату заседания со смирением раскаяния, на четвереньках, показывая тем, что он своим нерадением к должности совершенно оскотинился. 4. Тихо, без всякого шума, подымается он на задние ноги и таким образом мало-помалу доходит до человеческого образа; садится поодаль от других, на самый край стула, и не позволяет себе глядеть ни на которого из присутствующих.5. По свистку президента начинает говорить самому себе надгробную речь (признав себя предварительно покойником из Беседы и на всякий случай заняв у одного из них для сохранения нужной благопристойности имя); он говорит негромко, дрожащим голосом робости и раскаяния; потом сам себе отвечает, хвалит самого себя с заметною недоверчивостью к похвалам своим; сам себе кланяется и сам за себя краснеет. б. Члены между тем все сидят к нему задом, показывают величественную гордость оскорбленных сердец, холодное невнимание, часто кашляют и сморкаются, дабы заглушить голос оратора. 7. Во все время заседания виновный сидит в белом колпаке, молча, с потупленным взором; может кашлять только тихо в кулак, а сморкаться, спрятав голову под стол. 8. За ужином лишается он своего участка гуся. 9. По окончании*

ужина президент благословляет его лапкою гуся, нарочно очищенную для сего, и дарит его сею лапкою. 10. Тут член возрождённый может свободно глядеть, говорить, кашлять и сморкаться. 11. Поднявши голову, с гордостью гуся проходит он три раза взад и вперед по горнице, а члены между тем восклицают торжественно: экой гусь!»¹⁶.

41 Чтобы быть принятым в общество, претенденту нужно было прочитать над каким-нибудь халдеем надгробную речь. Так пародировали идею «академии бессмертных», куда новые члены принимались лишь в случае смерти действующего члена академии. Такая традиция придавала некоторым заседаниям злобный и мрачный оттенок, что было отражено в произведении «Евгений Онегин» и в намеке на «Арзамас».

42 Татьяна видит вещий страшный сон: *«Опомнилась, глядит Татьяна: Медведя нет; она в сенях; За дверью крик и звон стакана, Как на больших похоронах; Не видя тут ни капли толку, Глядит она тихонько в щелку, И что же видит?.. за столом Сидят чудовища кругом: Один в рогах с собачьей мордой, Другой с петушьей головой, Здесь ведьма с козьей бородой, Тут остов чопорный и гордый, Там карла с хвостиком, а вот Полужуравль и полукот. Еще страшней, еще чуднее: Вот рак верхом на пауке, Вот череп на гусиной шее Вертится в красном колпаке, Вот мельница вприсядку пляшет И крыльями трещит и машет; Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, Людская молвь и конской топ! Но что подумала Татьяна, Когда узнала меж гостей Того, кто мил и страшен ей, Героя нашего романа! Онегин за столом сидит И в дверь украдкой глядит. Он знак подаст — и все хлопчут; Он пьет — все пьют и все кричат; Он засмеется — все хохочут; Нахмурит брови — все молчат; Он там хозяин, это ясно: И Тане уж не так ужасно, И, любопытная, теперь Немного растворила дверь...»*¹⁷ Обрядовая основа «Арзамаса» заключалась в подлой и дикой травле соперников. Она в несколько десятков или даже сотен раз была серьезнее полемики шишковцев с карамзинистами. При этом, в отличие от них, она имела вид двойной пародии. Это пародия на полемику шишкоцев, и на них сами.

43 **СИМВОЛ ВЕРЫ В БЕСЕДЕ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ СОТРУДНИКОВ** *Верую во единого Шишкова, отца и вседержителя языка Славеноваряжского, творца своих видимых и невидимых сочинении. И во единого господина Шихматова, сына его едиnorodного, иже от Шишкова рожденного прежде всех, от галиматъи галиматъя, от чепухи чепуха, рожденная, несотворенная, единосущная, ею же вся пишется; нас ради грешных писателей и нашего ради погубления вышедшего из морского корпуса мичманом; распятого же зане при мучителе Каченовском и страдавшего, и погребена с писаниями. И восшедшего в Беседу и седшего одесную отца Шишкова и грядущего со славою судити живых и мертвых писателей; иже с отцем Беседою покланяема и славима глаголанного пророком Василием Тредиаковским. Во единую, соборную вельможную Беседу. Исповедую едино отрицание от Карамзина во оставление грехов и галицизмов. Чаю воскресения моих мертвых стихов и гибели в будущей жизни всем растлителям языка, не поклоняющимся отцу Шишкову и едиnorodному сыну его Шихматову. Аминь. Вся сия заповедати детищу поне трижды неотрочно на ношеденство прочитати чинно, не мяти, ниже смешивати часть с частию: но разделяти совершенными отдохновенными в Символе член от иного члена. И везде во всем писании точками совершенными разум распределенны разделяти»*¹⁸.

44 Это понимали все, даже Пушкин впоследствии поддерживал товарищеские отношения с Шаховским и Шишковым. Однако все было хорошо настолько, что арзамасцы утратили чувство меры. Д. Блудов прочитал над одним из беседовцев «надгробную речь», после которой тот довольно быстро скончался (именно за это Блудов получил свое прозвище), но в обществе по этому поводу были лишь одобрительные смешки. Интересно, знали ли эти остроумцы про Петровский Собор? Знали, надо думать.

45 Одну из наиболее светлых идей отпевания, т. е. превращения простых дураков в отпетых дураков, вначале была опробована в реальности. До момента создания общества, Дашковым была прочтена хвалебная издевательская речь на принятие графомана Хвостова в «Вольное общество...»: *«Нынешний день пребудет всегда незабвенным в летописях нашего Общества: ныне в первый раз восседает с нами краса и честь Российского Парнаса, счастливый любимец Аонид и Феба, Гений единственный по быстрому своему парению и по разнообразию тьмочисленных произведений. Тщетно мрачные облака сокрывали на время сияние солнца: оно расторгнуло их и снова озарило землю; так и зависть тщетно старалась помрачить блистательный полет почтеннейшего Сочлена нашего Его Сиятельства графа Дмитрия Ивановича Хвостова. Труды его необъятны: единый взор на них утомляет память и воображение, а знаменья побед его изумляют нас, поражают. Он вознесся превыше Пиндара, унизил Горация, посрамил Лафонтена, победил Мольера, уничтожил Расина... Пусть другие снискивают себе имя в словесности происками и услаждаются наёмными рукоплесканиями: но его путеводителями были всегда скромность и унижение самого себя. Академия Российская, Московский, Харьковский и Виленский университеты, Вольное Экономическое общество, Беседа Любителей Русского слова, наконец и наше Общество, гордятся его именем... В его творениях самые простые описания оживотворяются волшебной кистью воображения и превышают все возможные описания других стихотворцев. Раскроем ли неподражаемые его притчи: разум наш поражен прелестями басен: «Бот», «Двое плешивых», «Старик и трое молодых», «Два голубя»! Какая кисть! какие описания! какая простота!.. В последней басне русский Лафонтен очевидно превзошёл француза, наделив своего голубка острыми зубами для разгрызания сетей, в которых он запутался. Вот истинная Поэзия, творящая новый мир, новую природу!»*¹⁹ Затем Дашков был с позором изгнан Вольного общества, в котором он занимал пост председателя. Именно с этого и началось создание «Арзамаса».

46 Никто из участников не мог объяснить, почему в Общество был принят Хвостов. По сути, он был неплохим человеком и довольно хорошим чиновником. Но многие считали его сумасшедшим. Большинство не понимало, зачем он был принят в вольное литературное общество, а перед этим вошел в состав Российской академии. Хвостова считали человеком, подрывающим своим участием все устои общества, превращающего участников в посмешище. В принципе, аргументы были, и немало. Но по отдельности эти аргументы не были существенными. Литературный престиж этого человека не был основан на чем-то серьезном. Напротив, он подрывал этот престиж своей деятельностью, что понимал каждый участник общества. Отметим, что в отношении Хвостова не было какого-либо подкупа или значительной административной протекции. Хвостов был слишком настырным, и этого оказалось достаточно для наших условий.

47 Но стоит вернуться к «Арзамасу». «Арзамас» - это подлинная русская академия, убежище от унылой славянской глупости «хлыстовых». Граждане гуси со временем переименовали Хвостова в «Хлыстова», как бы намекая на его юродивость и на то, что при правлении Павла Первого Хвостов занимал должность обер-прокурора священного синода. При этом, Хвостов никем и никуда не был назначен. За него голосовали, и голосование было добровольным. Рассуждали приблизительно так – хоть и дурак дураком, человек хороший, поэтому нужно принять. Но борьба со славянской глупостью, тем не менее, возможна. И технология такой борьбы вскоре появилась. После того, как Дашков «издевательски» поздравил Хвостова, тот подошел к нему и ответил так, что надолго отбил у него охоту к публичному остроумию. Итак, Дашков сделал ряд выводов:

48 Во-первых, ни при каких обстоятельствах, никогда не разговаривать с соотечественниками, поскольку так можно потерять свое лицо. С детьми тоже не стоит разговаривать всерьез. Если с детьми разговаривать серьезно, то они перестают быть милыми и

безобидными созданиями, становясь агрессивными дураками.

49 Во-вторых, накопившееся презрение и ненависть к соотечественникам должны изливаться только за закрытой дверью, причем, в виде шутки. В обратном случае – сделаешь хуже себе. Ненависть и злоба никогда не приводят к хорошему.

50 Казус, произошедший с хвостовско-шишковской Академией, был решен только после кончины Пушкина. Николаем Первым в 1841 году был издан Указ о «разукрупнении и слиянии» богадельни Шишкова. Русские не смогли создать французскую «Академию бессмертных». А «Российская академия» или академия русского языка была объединена с «Императорской академией». Но в академики было переведено только шестнадцать человек из 60. Дата подписания Указа – 19 октября 1841 года. Указ был подписан арзамасцем Уваровым Сергеем, прозвище которого – «Старушка».

51 В 1815 году, Дашков, произнося очередную надгробную речь над одним из халдеев, сказал следующее:

52 *«Мудрецы всех веков учили нас помнить о смерти и презирать суету жизни человеческой. Но кто из них собственным примером утвердил спасительное своё учение? Кто из них никогда не ослеплялся блеском величия и славы? Они показали нам истинный путь к высокой цели НИЧТОЖЕСТВА, нам предназначенной; а сами не умели по оному следовать, и все стремились к мечтательному бессмертию. Пагубный призрак сей владычествовал над вселенною. Нашему веку, нашему любезному Отечеству свыше назначено было явить знаменитый пример современникам, пример великодушного, добровольного отречения от всякой славы, от всякой известности. В то время когда ослепленные наши сограждане безрассудно проливали кровь свою, надеясь вечно жить в потомстве, в то самое время великие подвижники, о коих говорить дерзаю, начали и совершили неподражаемое дело своё. Другие жертвовали своею жизнью: они принесли в жертву имена и труды свои; соорудили на основаниях незыблемый храм, единственный в летописях мира, - храм СВЯЩЕННОГО ЗАБВЕНИЯ – и поспешили затвориться в нем. Там, незнаемы человеками, готовят они целительный бальзам, приносящий нам отраду и успокоение.... Кто в сем верном изображении не узнает достойных апостолов ничтожества и забвения, почтеннейших Любителей русского слова?... На вратах их храма начертана таинственная надпись: «СОН, СМЕРТЬ И НЕБЫТИЕ!» - надпись, избличающая безумие тех, кто бессмертие избрали своим девизом (девиз французской академии – «бессмертные».)... Здесь навсегда погребены усопшие чада Беседы... и бледная дочь Хаоса, старая колдунья Славена, восседает на истлевших памятниках... А во главе всего предводительствует седой славенофил Еродий (Шишков – М.Л.)»²⁰. Несложно понять, что эта «Программа» Чадаева была изложена им через 25 лет на полном серьезе. Большинство историков недоумевает, как в 1840 годах тайная полиция смогла причислить Петра Яковлевича к числу славянофилов. На каких основаниях? Однако в этом нет ничего странного. Академия русского языка, возглавляемая в этот период Шишковым, была завалена им работой по изучению и исследованию филологической культуры сербского, чешского и польского народа. Это препятствовало изучению русского языка и культуры. Под руководством Шишкова была проделана громадная работа. Причем, данная работа была бессмысленной и затормозила развитие русской культуры лет на двадцать. И все это – заслуга Хвостова и Шишкова: *«Восьмидесяти лет старик простосердечный, Я памятник себе воздвигнул прочный, вечный: Мой памятник, друзья, мой памятник альбом; Пишите, милые, и сердцем и умом, Пишите впуски, пишите, что угодно; Пускай перо и кисть играют здесь свободно, Рисует нежность чувств стыдлива красота, Промолвит дружбы в нем невинной простота; Я не прошу похвал, я жду любви совета: Хвостова помните, забудьте вы поэта»²¹. Иностранцы не разделяют и не понимают восторженных отзывов**

русских об «Арзамасе». Но все довольно просто. «Арзамас» - это русское гетто для свободно мыслящих, образованных и зрелых людей.

53 Слова Вяземского:

54 *«Наша российская жизнь есть смерть. Какая-то усыпительная мгла царствует в воздухе, и мы дышим ничтожеством. Я приеду освежиться в «Арзамасе» и отдохнуть от смерти»²²*. В свою очередь, Карамзин писал:

55 *«В Петербурге всех любезнее для меня арзамасцы: вот истинная Русская Академия, составленная из молодых людей умных и с талантом. Жаль только, что нет их ни в Москве, ни в Арзамасе»²³*. В Москве также было открыто отделение «Арзамаса». В 1818 году «Арзамас» не был распущен. Чаще всего, существование таких обществ продолжается, пока живы их участники. Через некоторое время, заседания постепенно сошли на нет. Однако гуси не забывали о своем братстве, используя гусиную лексику до конца жизни. Вяземский в 1831 году стал камергером. Вот что пишет по этому поводу Пушкин: *«Услыша о сем радостном для Арзамаса событии, мы, царскосельские арзамасцы, положили созвать торжественное собрание. Все присутствующие члены собрались немедленно, в числе двух. Председателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, Сверчок. Протокол собрания будет немедленно доставлен Вашему арзамасскому и камергерскому превосходительству (также и сиятельству). Спрашивали, члены: зачем Асмодей (арзамасское прозвище Вяземского – М.В.) не является ни в одном периодическом издании?...»²⁴* Пушкин в 1834 году выразил желание уйти в отставку. Он хотел поехать в деревню, но своим желанием он разгневал Николая. Вполне обоснованно Жуковский решил, что Пушкин попал в беду. Используя гусиную лексику, он сказал: *«Я никак не воображал, чтобы была еще возможность поправить то, что ты так безрассудно соблаговолил напакостить. Если не воспользуешься этою возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека; без галиматьи, поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь и заслужишь свое и друзей своих неодобрение»²⁵*. Затем Жуковским была сделана приписка и приложена копия письма, не содержащая гусиной галиматьи: *«Может быть захочешь показать Бенкендорфу письмо мое. Вот экземпляр без галиматьи»²⁶*. Жуковский, после кончины Пушкина, написал Уварову, занимавшему пост министра просвещения, еще одну «галиматью». Несмотря на такой трагический момент, как смерть близкого друга, Жуковский написал Уварову с использованием гусиной лексики. Он хотел, чтобы Уваров увидел в Пушкине старого друга по обществу, смог забыть прошлые распри и оказать протекцию: *«Старушка, вот официальное письмо, при нем и сие небольшое арзамасское завывание; а при сем арзамасском завывании и статья о смерти Пушкина... Благоволите, батюшка Старушка, устремить на сии гусиным пером исчерканные страницы те части бытия вашего, в коих со времен Адама заключается зрительная способность сынов человеческих. Прочитайте со свойственным Вам благоразумием, столь приличным министру просвещения, избранному на сие высокое место доверенностью монарха, страницы, истекшие из-под пера моего, и благоволите сунуть сие творение в раскрытую пасть цензуры, сей гладной коровы, пасущейся на тучных пажитях литературы и жующей жвачку с каким-то философским самоотвержением; благоволите предписать сей корове, чтобы она поскорее изжевала статью мою и поскорее её выплюнула, дабы я мог немедленно передать блевоту в тиснение в «Современнике». Впрочем, желаю Вам всякого благополучия, а за скорое исполнение просьбы моей пришлю Вам из Арзамаса, в коем надеюсь быть, жирную гусиную гузку, с коей честь имею быть. Светлана»²⁷*. Люди, которые являются неискушенным в филологии и политике, могут подумать, что такое остроумие (часто вымученное и плоское) – своеобразный и необъяснимый

заскок, особенно, если оно исходит от «романтика» Жуковского. Но в действительности, Жуковский был расчетливым и довольно умным дипломатом. Это подтверждается его придворной карьерой, а также тем, что он делал то, что было необходимо. Он осознавал, что по условиям России рано или поздно придется ответить за «беспардонное веселье». Такой ответ понесли и участники «серьезных» политических и литературных обществ, которых объявили декабристами. Едкие и колкие характеристики членов таких собраний, по советской традиции в «Горе от ума», относятся к другим декабристам («ложным»). Однако это были те самые декабристы. Грибоедов и его современники прекрасно это осознавали. По сути, не могла быть никаких других декабристов. Грибоедов писал: *Репетилов: Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь С умнейшими!! - всю ночь не рыщу напролет. Чацкий: Вот нынче, например? Репетилов: Что ночь одна, - не в счет, Зато спроси, где был? Чацкий: И сам я догадаюсь. Чай, в клубе? Репетилов: В Английском. Чтоб исповедь начать: Из шумного я заседания. Пожалуйста молчи, я слово дал молчать; У нас есть общество, и тайные собрания По четвергам. Секретнейший союз... Чацкий: Ах! я, братец, боюсь. Как? в клубе? Репетилов: Именно. Чацкий: Вот меры чрезвычайны, Чтоб вашей прогнать и вас, и ваши тайны. Репетилов: Напрасно страх тебя берет, Вслух, громко говорим, никто не разберет*²⁸. Дата 14.12.1825 год стала роковой. Подобные горе-конspirаторы были свезены в Петропавловскую крепость, а затем объявлены заговорщиками против государства. При этом они и не сопротивлялись происходящему. Властями было сделано все то же, что делалось ранее – ими была изображена игра в политический карнавал и бирюльки радикальной оппозицией установленного типа. Члены «Арзамаса» на самом деле играли в бирюльки. К тому же, они обернули шутовством действительную критику ошибок государства, но власти, несмотря на огромное желание, ничего не смогли предъявить арзамасцам.

56 В 1827 году Жуковский написал Николаю записку иезуитского характера, в которой выгораживал Тургенева. Он писал, что при наличии желания, «Арзамас» можно было бы легко сделать декабристским обществом, так как одним из его членов был Муравьев, а его тактика заключалась в нагромождении идеологических фикций:

57 Скажу более: если бы общество арзамасцев продолжалось и если бы журнал его состоялся, то, вероятно, Муравьев, будучи членом его, по правилу, принятому его соумышленниками, стал бы уверять прочих, что арзамасцам известны их замыслы и что они готовы им содействовать, ибо Арзамас был составлен из людей, имевших в России известность: сам Карамзин бывал на их заседаниях и от души смеялся, слушая шутовские их речи и протоколы. Сия ложь была бы неизбежным приговором арзамасцев. Они бы признаны были заговорщиками, а общество их ветвью преступного Северного или Южного. И если бы с таким предубеждением прочтены были протоколы и все бумаги арзамасского общества, то они только бы подтвердили сию мысль. Никто бы не уверил, что оно не имело никакого умысла! Галиматья показалась бы маскою чего-нибудь важного, и в шутках увидели бы намерение преступное. Никто бы не поверил, что можно собираться раз в неделю для того только, чтобы читать галиматью! Фразы, не имеющие для посторонних никакого смысла, показались бы тайными, имеющими свой ключ, известный одним членам. Имя Новый Арзамас, кое давало себе общество, получило бы смысл Республики. А в Беседе Русского слова и Академии, над коими забавлялись члены, увидели бы Россию и правительство. — В чем убеждает этот пример. В том, что особенные мнения некоторых частных членов общества не могут быть приписаны всему обществу, что целое общество не может быть названо преступным потому только, что некоторые члены его преступники, и, наконец, что можно быть в общении и не знать о замыслах некоторых его членов. И так весьма естественно было Тургеневу, и по неуважению его к самому обществу, и по множеству занятий своих по службе, и по самому участию своему в занятиях общества, не знать о том, что думали главные его учредители, что делалось в

некоторых заседаниях и что, наконец, сделалось замыслом многих. Особенно когда вспомнишь ход общества и разные его эпохи²⁹. Итак, можно утверждать, что пародийная лексика арзамасцев была «защитой от дураков». Благодаря ей проводился отбор участников. Она же позволяла исключить политические доносы или, хотя бы, сделать их крайне затруднительными. «Арзамас» довольно аккуратно вел свои издевательские протоколы, исключая из них любые намеки на политику, особенно, прямые политические речи, которых было достаточно, возможно, даже больше, чем в говорильнях декабристов.

58 Еще одна важнейшая функция карнавальной лексики – защита от других членов общества. «Арзамас» объединял довольно «больших людей», что несло определенную опасность. Как говорится, лошадь уже страшна, а к слону и вовсе подходить не стоит. Между людьми существовали огромные интеллектуальные и социальные перепады. Таким образом, несерьезное общение способно предохранить от производственных травм.

59 Возникает вопрос, почему важнейшим элементом дипломатии стал треп ни о чем и кулуарные анекдоты? Ответ прост. Потому что дипломаты являются очень коварными, а за ними стоят целые страны. Общение дипломатов всегда приводит к тем или иным последствиям. Часто – к необратимым. В связи с этим, перестраховка очень важна. Нужно шутить. Это всегда даст возможность отшутиться и увернуться. Жуковский, занимавшийся воспитанием наследника престола, после гибели Пушкина написал в адрес министра просвещения Уварова «дурацкое» письмо. Почему? Только по той причине, что подобному письму не получилось бы дать ход, а показывать его кому-либо вообще нежелательно. Не выполнить прошение, изложенное в такой форме, довольно сложно. Не было ли это «давлением на министра»? В последние несколько лет своей жизни Пушкин и Уваров не ладили, однако Жуковский смог прижать Уварова к стене. *Из протоколов «Арзамаса»: «На прошлом заседании недоставало одного любезного, двуличного арзамасца. О нем гласит предание, что он в тот славный вечер просидел у мышеловки, называемом Институтом. Там ловят юных мышонков женского пола, кормят их сахаром познаний и чудотворно превращают в людей, разумея сие слово в его истинном смысле. Там, ко всеобщему удивлению, оказалось, что одна проворная, миловидная мышка, с блестящими глазками, рождена от почтенных родителей его превосходительства Резвого Кота; и его превосходительство, предавшись сладостному влечению природы, позабыл об Арзамасе. Но Арзамас на него не рассердится, ибо он любит его сестрицу мышку, ибо он любит все природное, кроме природной глупости Беседы»³⁰*. В конце концов, юмористическая направленность «Арзамаса» - это своеобразная защита от общего уровня общества, которое являлось недостаточно развитым, и не было способным понять даже самого себя, что вполне четко осознавалось «почтенными друзьями-товарищами гусями». Вяземским были сказаны такие слова: *«В старой Италии было множество подобных академий, шуточных по названию и некоторым обрядам своим, но не менее того обратившихся на пользу языка и литературы»³¹*.

60 По своей природе, аристократия породила некие формы аристократической организации – всевластной и тайной, находящейся над идеологической борьбой. Если же аристократия вовлекалась в данную борьбу, то приносила в нее равнодушное величие и превосходство, которое превращало идеологический догматизм в некую пародию. Именно по этой причине российский «литературный кружок» в начале 19 столетия состоял из министров и князей. А гусь и поэт Жуковский стал одним из великих диктаторов. С разрешения императора Николая Первого, Жуковским была создана личность и внутренний мир Александра Второго. Повеление императора было обусловлено четким пониманием масштабов проблемы. Он не понимал искусства и литературы, однако был европейским аристократом, осознававшим недостаток своего образования. Он решил не допустить такого недостатка в отношении сына-наследника. Российские историки всегда делают упор в сторону

не аристократического, а бюрократического подхода. При этом они забывают, что Романовы были органичной частью высшего космополитического аристократизма Европы, а русские титулованные дворяне равны с национальными аристократами Великобритании, Италии и Германии.

61 По причине идентичности государственного чиновничества и аристократии, Россия представляла собой наиболее привилегированную европейскую страну для интеллектуалов. Это привело к колоссальным результатам, хотя, к большому сожалению, лишь в «аристократических» сферах, которые требовали дилетантизма (в частности, в музыке и литературе).

62 Культура карнавала являлась устаревшей культурой, перегруженной ассоциациями, культурой «осени».

63 Пушкинский лицей был учрежден по прообразу французского Лицея, который был основан под конец правления Людовика Шестнадцатого. По сути, он представлял собой «светскую Сорбонну» для детей аристократов. Душа французского Лицея – профессор в сфере литературы Ж.Ф. де Лагарп, который был близким товарищем Вольтера. Им же был написан учебник по литературе, под названием «Лицей». По этому учебнику преподавали в лицее Пушкина. По сути, этот лицей стал очередным «Арзамасом», представляя собой интеллектуальное «гетто». Пушкин вполне четко это сознавал: *Друзья мои, прекрасен наш союз! Он, как душа, неразделим и вечен — Неколебим, свободен и беспечен, Срастался он под сенью дружных муз. Куда бы нас ни бросила судьбина И счастие куда б ни повело, Всё те же мы: нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское Село*³². Союз рассматривался в качестве тайной организации. У каждого лицеиста было чугунное кольцо, символизирующее связь узами братства. Ежегодно 19 октября лицеисты собирались и отмечали годовщину. Лицеисты, которые не смогли присоединиться, отмечали годовщину в одиночестве. Празднование проводилось в форме торжественного заседания – с протоколами, речами и обильными возлияниями. Первый выпуск лицеистов называл себя «скотобратцами», а не «гусьями». Они имели свои номера (по номеру кельи) и прозвища.

64 Праздник лицея – осенний праздник, а Пушкин – поэт осени. Следует отметить, что осень является символом сожаления о потерянной молодости, одновременно с этим, выступая в качестве плодородной зрелости и периода, когда подводятся итоги. Осенью приходит предчувствие предстоящих угроз и несчастий, о чем писал Пушкин в своем знаменитом лицейском стихотворении, написанном во время смены эпох в 1825 году: *В самом начале приводится описание осени: «Роняет лес багряный свой убор, Сребрит мороз увянувшее поле, Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружных гор»*³³. в конце, как видим, предвидение смерти последнего из лицеистов: *Пируйте же, пока еще мы тут! Увы, наш круг час от часу редет; Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет; Судьба глядит, мы вянем; дни бегут; Невидимо склоняясь и хладя, Мы близимся к началу своему... Кому ж из нас под старость день Лицея Торжествовать придется одному? Несчастный друг! средь новых поколений Докучный гость и лишний, и чуждой, Он вспомнит нас и дни соединений, Закрыв глаза дрожащею рукой...*³⁴ Князь Горчаков – последний «скотобратец», умерший 19.10.1882 года в полном одиночестве. Это произошло на 65-ю годовщину Лицея. Одно из последних писем Александра Сергеевича, накануне смерти, было письмо о необходимости сохранить лицейские правила в полной неприкосновенности: *«Я согласен с мнением №39. Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лицеист ОДИН будет праздновать 19 октября. Об этом не худо напомнить. №14»*³⁵. Это обладало для Пушкина особой важностью. По сути, это является своеобразным литературным завещанием Пушкина: «Скотобратцы, миленькие, держитесь без меня». Но без Александра

Сергеевича было слишком сложно. Тем не менее, они держались, собираясь время от времени, хотя бы ради того, чтобы наметкой и пунктиром поддерживать Тайну и Легенду, способных обеспечить преемственность культуры в пока еще глупой стране, которая стояла на пороге «цивилизационных», и в некоторой степени фатальных срывов».

65 Пушкин понимал, что должен быть создан бастион культуры, и делал все посильное для его создания. Но в рассматриваемом случае этих сил явно не хватило. Первый выпуск Лицея стал одновременно и последним выпуском. А ведь могло существовать некое Тайное Братство, которое поддерживало бы преемственность культуры в стране. Это то гениальное и великое, что не было до конца понято русскими в пушкинском мире, а впоследствии и вовсе забыто. Причем, еще задолго до событий 1917 года. Этим были предопределены дальнейшие события.

66 Лицейское братство, которое было связано с «Арзамасом», вполне могло стать тайной литературной организацией, которая обеспечивала бы связь между устаревшей аристократией и зарождающимся сословием интеллектуалов России. В качестве основы работ могло быть взято легендирование пушкинского лицейского выпуска. Неофиты, молодые лицеисты, могли бы получать устные предания. Многие, конечно, были бы забыты, а часть профанировалась бы в общедоступных воспоминаниях. Необходимо было устроить тайную комнату в стенах Лицея и дополнить систему ритуалов. Члены общества, не считая реальной протекции, должны были бы подвергаться самым настоящим наказаниям в случае нарушения дисциплины и установленных правил. Даная технология достаточно развита в системе европейских и американских университетских лож. Однако в нашей стране она не получила своего развития. Тем не менее, это вполне терпимо. Хуже то, что система национального масонства отсутствовала в самом сердце русской литературной действительности. Например, Тургенев был членом литературной ложи Парижа, но не Москвы.

67 Это вышло случайно. К примеру, Лицейское братство и Арзамас вызвали поистине шизофреническую злобу у Булгарина и Греча. Греч однажды сказал, что Арзамас – это секта, а арзамасцы – религиозные фанатики, которые готовы на любую подлость, чтобы утолить свою иррациональную злобу в отношении своих оппонентов. Так как «фанатизм» как концепция противоречил элементарным фактам (к примеру, тому, что многие арзамасцы в последующем поддерживали неплохие отношения с шишковцами), немец смог дополнить ее «русским свинством». Считалось, что фанатики ненавидели своих врагов, однако по причине беспринципности и холуйства они продолжали перед ними заискивать.

68 Частично подобную реакцию можно объяснить тем, что сам Греч не был приглашен в Арзамас по причине худородности. Тем не менее, он был довольно остроумным, неглупым и оказывал поддержку идеологии «Арзамаса». Но позволить себе так сильно кривляться, он не мог. Булгарин прекрасно осознавал что именно происходит, продолжая препятствовать деятельности общества. О лицеистах и «Арзамасе» Булгарин направил в тайную полицию довольно обширные записки: *«Арзамасское общество было не литературное и не политическое в тесном значении сих слов, но в настоящем своем существовании клонилось само собою и к той, и к другой цели... Оно было шуточное, забавное... но принесло вред, особенно Лицею. Сие общество составляли люди, из коих почти все... были или дети членов Новиковской мартинистской секты, или воспитанники её членов, или товарищи и друзья и родственники сих воспитанников»*³⁶. *«Главная характеристическая черта членов Арзамасского общества, по которой и теперь можно отличить их между миллионами людей есть: чрезвычайно надменный тон, резкость в суждениях, самонадеянность... Сергей Уваров и Николай Тургенев суть два прототипа духа сего общества. Всё, что не ими выдуманно, - «дрянь»; каждый человек, который не пристаёт безусловно к их мнению, - «скотина»; каждая мера правительства, в которой они не принимают участия -*

«мерзкая»; каждый человек, осмеливающийся спорить с ними, - «дурак» и «смешон»»³⁷. «В свете называется «лицейским духом» когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая тех случаев когда для фанфаронады надобно показаться любителем «равенства». Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешиливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском – знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений. Сверх того он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах; казаться неверующим христианским догматам, и более всего представляться филантропом и русским патриотом»³⁸. Булгарин входил в масонскую ложу, и вместе с Гречем был членом шуточного общества оболтусов («шубравцев») в Вильне. Это общество – полный аналог «Арзамаса». Оболтусы существовали в тот же период, что и «Арзамас». Они были тесно связаны с масонством. К тому же, у шубаровцов был собственный филиал в Петербурге, где перед самым польским восстанием печатался журнал под названием «Баламут».

69 Таким образом, доносы Булгарина – это явное проявление борьбы с конкурирующим обществом. Он прекрасно осознавал, что он делал, полностью осознанно стремясь уничтожить лицейское братство и «Арзамас». Это и являлось самым большим различием между виленскими оболтусами и гусями «Арзамаса». Арзамасцы не написали ни одного доноса на оболтусов. А Пушкин однажды ходатайствовал перед Бенкендорфом, защищая Мицкевича. В составе «Арзамас» были ответственные и властные люди. Шубравство же объединило глупых и недалеких националистов-буршей.

70 Арзамас был первой попыткой в России создать общество единомышленников, не по профессиональному типу, не как некое тайное общество, а просто по причине взаимной приязни. Ненадолго вырваться из обычного окружения, отбросить ненужные условности, освободиться от шаблонов поведения и увидеть в себе и других что-то новое, позволяющее жить дальше. И такое общество как магнитом будет притягивать к себе даже не единомышленников, а просто нешаблонно мыслящих, взрослых и ответственных людей, да так, что уже уйдя из него, потеряв друзей, все равно не сможешь вытравить его из сердца.

71 Таких попыток будет ещё много, и в XIX и в XX веке. Конечно, не все они оставят одинаковый след в истории. Но, если отбросить цифры, даты, имена, то окажется, что только в них и сосредоточено то искреннее, порой нелюбезное, порой смешное содержание, в котором могут появиться ростки новой эпохи. И в этих встречах, посиделках, шуточных собраниях вырастет, вызреет то новое, что другим путем никогда не пробьётся к свету.

Remarks:

1. Валишевский К. Пётр Великий. М.: Квадрат, 1993. С.127
2. Андреев И. Всешутейший, всепьянейший // Знание — сила 2002. № 2. С.32
3. Андреев И. Всешутейший, всепьянейший... // Знание — сила 2002. № 2. С.33
4. Усенко О. Г. Сумасброднейший собор // Родина. 2005. № 2. С.61—67.
5. Андреев И. [Всешутейший, всепьянейший...](#) // [Знание — сила](#). 2002. № 2. С.33
6. [Успенский Б. А.](#) Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Этюды по русской истории, СПб.: Азбука, 2002. С. 164,
7. Ключевский В.О. [Русская история. Полный курс лекций](#) / Лекция LX. М.: Мысль, 1993.

8. Трахтенберг Л.А. Сумасброднейший, Всешутейший и Всепьянейший собор // Одиссей: Человек в истории. — М.: Наука, 2005. С. 146
 9. Усенко О. Г. Сумасброднейший собор // Родина 2005. № 2. С.61—67.
 10. Усенко О. Г. Сумасброднейший собор // Родина 2005. № 2. С.61—67.
 11. Валишевский К. Пётр Великий. М. Квадрат, 1993. С.129
 12. Трахтенберг Л. [«Всешутейший собор» и связанные с ним празднества Петровской эпохи: проблемы происхождения](#) // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика
 13. Бердников Л. [Всешутейший патриарх](#) // [Новый журнал](#). 2007. № 249.
 14. Усенко О. Г. Сумасброднейший собор // Родина 2005. № 2. С.61—67.
 15. Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 2001 С.73
 16. Арзамас и арзамасские протоколы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933 С.87-88
 17. Пушкин А.С. СС в 10тт., М.: Гослитиздат,1960, т.4. С.100-101
 18. Арзамас и арзамасские протоколы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. С.23-24
 19. Арзамас и арзамасские протоколы Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. С. 183–186.
 20. Арзамас и арзамасские протоколы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. С. 91-94
 21. Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. -- М.: INTRADA, 1999., С.96
 22. Переписка князя П. А. Вяземского съ А. И. Тургеневымъ. 1812--1819. СПб., 1899. С.63
 23. Афанасьева А. К., Эдельман О. В. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII--XX вв.: Альманах. - М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. С. 10.
 24. Пушкин А.С. СС в 10тт., М.: ГОслитиздат,1960, т.10, С.62
 25. Пушкин А. С. ПСС в 17 т. Том 15 (Переписка 1832-1834), 1948, С. 229
 26. Пушкин А. С. ПСС в 17 т. Том 15 (Переписка 1832-1834), 1948, С. 229
 27. ГИМ, ф. 17, ед. хр. 62, л. 8.
 28. Грибоедов А.С. Горе от ума. М. 2012. С.93-94
 29. В.А. Жуковский ПСС в 20тт. М.: Языки славянской культуры, 2004, С.200-201
 30. Арзамас и арзамасские протоколы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933, С.59
 31. Вяземский П. А. «Старая записная книжка», Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1927, С.10
 32. Пушкин А.С. СС в 10тт, М.: Гослитиздат, 1960, т.2, С.103
 33. Пушкин А.С. СС в 10тт, М.: Гослитиздат, 1960, т.2, С.102
 34. Пушкин А.С. СС в 10тт. М.: Гослитиздат ,1960, т.2, С.106
 35. Пушкин А.С. СС в 10тт., М.: Гослитиздат ,1960, т.10, С.307
 36. «Арзамас»: сборник в 2-х книгах. М.: Худ. лит., 1994. Кн.1. С. 138-140.
 37. «Арзамас»: сборник в 2-х книгах. М.: Худ. лит., 1994. Кн.1. С. 138-140.
 38. «Арзамас»: сборник в 2-х книгах. М.: Худ. лит., 1994. Кн.1. С. 137.
-

Неформальные сообщества – ключ к российской истории

Локтионов М. В.

ведущий научный сотрудник Института философии РАН, сектор философии российской истории

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гонимарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье анализируется история российских неформальных объединений на примере самого первого в истории России – Всешутейшего, Всепьянейшего и Сумасброднейшего Собора Петра I, и наиболее известного – общества «Арзамас». Показывается их место в российской истории, значимость для своего времени, выявляются общие черты (состав участников, прозвища, регулярные заседания, ритуалы, наличие объекта насмешек и травли), влияние на участников и после закрытия. Также указаны и различия их, сообразные времени. В статье обсуждается ключевая роль указанных обществ и их участников в историческом развитии России своего времени. Также высказывается предположение об исторической неизбежности возникновения подобных социальных структур в моменты интенсивного опережающего развития общества.

Ключевые слова: Арзамас, Беседа, Дашков, Карамзин, Шишков, Хвостов, Вяземский, галиматъя, Пётр I, Валишевский, Собор, князь-папа

Дата публикации: 05.06.2018

Ссылка для цитирования:

Локтионов М. В. Неформальные сообщества – ключ к российской истории // Полилог/Polylogos. 2018. Т. 2. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://polylog.jes.su/s258770110000033-8-1/> (дата обращения: 06.04.2020). DOI: 10.18254/S0000033-8-1